

Представшая перед глазами картина повергла в шок всех присутствующих. Секунду назад они не верили, что какие-то убийцы осмелятся ворваться в Лотосовый павильон; а в следующее мгновение увидели Сяо Хуая, лежащего в луже собственной крови. Его грудь не вздымалась, дыхание оборвалось. Все забыли, как дышать, и воздух, пропитанный густым запахом крови, на секунду застыл в мертвой тишине.

Чжоу Юань первым, спотыкаясь, бросился вперед. Он торопливо принялся осматривать Шэнь Юйхэна, ища раны, однако, хоть его руки и перепачкались в чужой крови, на теле господина не оказалось ни единой царапины. Сяо Хуай мертв, а Шэнь Юйхэн невредим... Ужас на лице евнуха становился всё глубже.

— Это не я, — покачал головой Шэнь Юйхэн.

Только заговорив, юноша понял, насколько хриплым и низким стал его голос; дрожащие нотки выдавали его бледность и страх. Но ему нельзя было паниковать. Если он потеряет голову, значит, план Сяо Хуая удался в полной мере. Взяв себя в руки, Шэнь Юйхэн указал на разбитое окно, через которое сбежали убийцы, и кратко изложил Чжоу Юаню суть произошедшего. На самом деле эти слова предназначались для всех остальных.

Однако никто его не слушал. На него даже не взглянули. Кровь Сяо Хуая словно обладала демонической силой, вытянувшей из людей души и остатки разума.

Евнух Фан поспешно приблизился и, дрожащими пальцами проверив дыхание Императора, с полным скорби лицом рухнул на колени:

— Священный Владыка почил!

Слезы хлынули из глаз служанок и стражников; оглохшие от горя, они в едином порыве опустили на землю. Никому не было дела до оправданий Шэнь Юйхэна. Воздух словно пропитался густым ядом, лишаящим людей рассудка — повсюду раздавались лишь сумбурные, истощные рыдания.

Пока толпа плакала, словно лишившись душ, Фан Цин внезапно поднялся и быстро созвал охрану. Шэнь Юйхэна тут же схватили. Императорские гвардейцы мертвой хваткой вцепились в его плечи по обеим сторонам, обращаясь с ним уже как с величайшим преступником. Нянька в панике вырвала младенца из его рук, глядя на юношу с нескрываемым отвращением и желанием держаться подальше.

Перед тем как его увели, он успел приглушенно бросить Чжоу Юаню:

— Возвращайся. Пусть Су Чэн съезжает. Сожгите всё, что можно сжечь, не оставляйте никаких улик.

Если на него действительно повесят убийство Императора, это неминуемо потянет за собой многих. Семья Шэнь — опора Великой Чжоу, их так просто не уничтожить, но вот Су Чэн, деливший с ним один дворец, может серьезно пострадать...

□Хост, не беспокойтесь пока о Су Чэне! Сяо Цзинь к нему так хорошо относится, он точно не даст ему умереть,□ — вмешалась Система.

Шэнь Юйхэн опешил. В суматохе он совершенно вылетел это из головы. Сяо Хуай мертв, а значит... Сяо Цзинь взойдет на престол. В прошлом, будучи самым бесправным во дворце, он не побоялся бросить вызов любимой наложнице Императора, лишь бы защитить достоинство

Су Чэна. Что уж говорить о времени, когда он станет повелителем десятков тысяч людей. Вспомнив, что его последним наказом было защитить Су Чэна, Шэнь Юйхэн даже нашел это слегка комичным. «Знал бы, лучше бы передал весточку брату». В эту древнюю эпоху, лишенную мгновенной связи, тот, чья информация доходила быстрее, получал неоспоримое преимущество перед остальными.

Система так разволновалась, что готова была выпрыгнуть из его головы; ее речь ускорилась вдвое:

□Хост, хватит думать о других! Вы... вы... вы же сами вот-вот окажетесь в тюрьме!□

Системе казалось, что у нее вот-вот прорежутся слезные железы.

Слово «тюрьма» было не совсем точным, ведь Сяо Хуай, изображая из себя милосердного правителя, ранее приказал снести все пыточные залы во дворце. Поэтому до вынесения окончательного приговора Шэнь Юйхэна отправили в Холодный дворец.

Когда его доставили к этим мрачным покоям, юноша на мгновение впал в ступор. Будучи человеком, совершенно лишенным суеверий, он не мог не поразиться злой иронии судьбы. В императорском дворце было не так уж много мест для ссыльных наложниц — всего четыре или пять... Но почему его привели именно сюда?

Шэнь Юйхэна втолкнули за ворота, бросив в эту ледяную, непроглядную тьму. Позади раздался безжалостный лязг закрывающихся дверей; стражники, разумеется, не забыли повесить замок, и вскоре их торопливые шаги стихли вдали. Резкий, пронизывающий холод заползал в рукава, забирался за воротник, проникая в каждую неприкрытую часть тела и заставляя его неудержимо дрожать.

Чем глубже он продвигался, тем сильнее становилась стужа. Обойдя всё вокруг, он не нашел даже куска ткани, чтобы согреться. В конце концов ему пришлось прижаться к стене у самых дверей, потирая руки. От внешнего мира тепла было не дожидаться, но и получить обморожение от здешней сырости ему совсем не хотелось.

Внезапно возле самой двери он заметил явное углубление в дереве. Юноша замер, ошеломленно глядя на него. Перед смертью Сяо Хуай рассказал ему: когда Сяо Цзиня наконец нашли, внутренняя сторона двери была наполовину изгрызена и расцарапана, а весь пол усыпан щепками и обломанными ногтями. Древесная стружка и ногти, вместе с невыносимой болью мальчика, растворились в реке времени, оставив после себя лишь сглаженную ветрами шероховатую вмятину.

Несколько месяцев назад... когда супруга Яо заперла здесь Сяо Цзиня в качестве наказания, должно быть, было еще холоднее, чем сейчас. Мальчик был вынужден вновь погрузиться в самые чудовищные воспоминания своего детства, а он, Шэнь Юйхэн, тогда не проявил к нему ни капли заботы. Да, он приходил в Холодный дворец, но никогда не упоминал об этом, и Сяо Цзинь ничего не знал. Для него Шэнь Юйхэн остался человеком, который на словах звал себя «матушкой-супругой», но даже не соизволил навестить его в беде.

Шэнь Юйхэн всегда сожалел об этом и старался не копаться в прошлом, но сейчас...

Система, почувствовав, как в нем нарастает водоворот мрачных эмоций, издала печальный треск.

□Хост, вы... вы не должны так о себе думать! Вы уже проявили гораздо больше

ответственности, чем многие другие книжные попаданцы!□

— ...М-да.

Видимо, угнетающая атмосфера Холодного дворца настолько обострила его негативные мысли, что даже Система не выдержала и принялась всячески его утешать. Шэнь Юйхэн поднялся на ноги и немного размялся, пытаясь хоть как-то разогнать кровь. Когда руки и ноги перестали быть такими деревянными, он начал бродить по Холодному дворцу в поисках комнаты, пригодной для ночлега.

Если вдуматься, то этот дворец мало чем отличался от дешевой, заплесневелой и протекающей съемной квартиры на первом этаже где-нибудь на юге — сырость и промозглый холод. Переночевать разок-другой — не значит непременно слечь с болезнью. К тому же здесь не было ни крошки еды, а значит, и тараканов тоже. Настроив себя на такой лад, Шэнь Юйхэн решил, что всё не так уж и плохо. Протянуть здесь дней десять или даже полмесяца было вполне реально.

...При условии, конечно, что он вообще столько проживет.

Ситуация была далеко не радужной, но и не самой безнадежной. На месте преступления осталось немало улик, доказывающих его невиновность. Как только семья Шэнь узнает правду, они ни за что не останутся в стороне. А до тех пор он должен просто выжить.

Тем временем в боковых покоях зала Цинчжоу слуга принес Су Чэну несколько писем от отца. Юноша нахмурился, бегло пробежавшись по строкам: всё те же настойчивые уговоры как можно скорее сблизиться с Сяо Цзинем. Он поднес письма к свече, позволяя пламени пожрать чернила. Огонь разгорался всё ярче, обрывки бумаги теряли вес, превращаясь в пепел. Су Чэн безучастно наблюдал за кружащимися в воздухе серыми хлопьями.

Внезапно за окном раздался хриплый, отчаянный крик:

— Есть здесь кто-нибудь?! Помогите!!

Выйдя на зов, Су Чэн увидел спотыкающегося Чжоу Юаня; глаза евнуха были красными от крови и слез. Су Чэн поспешно поддержал его:

— Что стряслось?

На шум прибежали и служанки Юньдоу с Цзяобай. Чжоу Юань вдруг разрыдался в голос, слезы лились по его щекам непрерывным потоком. Он всегда славился своей сдержанностью, и эта истерика не на шутку перепугала девушек.

Стиснув зубы, он выдавил:

— Священный Владыка почил! Супруг Шэнь... супруг Шэнь он...

Услышав слова о смерти Императора, Су Чэн побледнел как полотно; его зрачки сузились от шока. Он крепко схватил Чжоу Юаня:

— Говори внятно! Что с супругом Шэнем?

Когда евнух вытер слезы и закончил свой рассказ, лица всех присутствующих побелели. Сын Неба мертв, а из его груди торчит золотая шпилька-лотос, принадлежавшая супругу Шэню...

Если эта весть разлетится, Шэнь Юйхэну не отмыться от обвинений, даже если он прыгнет в Желтую реку. А если его признают виновным, то и они, слуги его дворца, не избегут казни.

Су Чэна прошиб холодный пот. Еще недавно Шэнь Юйхэн находился здесь, в зале Цинчжоу, а теперь брошен в Холодный дворец в ожидании приговора. Ему хотелось помочь, но что мог сделать он один? Сил у него было ничтожно мало...

Чжоу Юань рухнул перед ним на колени и с такой силой ударился лбом о землю, что на камне остался кровавый след:

— Талантливый супруг Су, умоляю, попросите Девятого Принца! Умоляю, пусть он поможет супругу Шэню!

Все они видели, как Шэнь Юйхэн относился к Сяо Цзиню. Да, ошибки прошлого не исправить, но в последнее время он никогда не обижал Девятого Принца! И всё же никто из них не был уверен, захочет ли Сяо Цзинь спасти Шэнь Юйхэна.

Су Чэн поднял Чжоу Юаня, и его взгляд потемнел:

— Я... я попытаюсь.

После такого грандиозного события дворцовые ворота должны были немедленно запереть, чтобы пресечь любые слухи в столице. Огласка последует лишь после того, как вопрос о престолонаследии будет урегулирован, и в свет выйдет официальный указ. Однако Сяо Цзиня в покоях не оказалось. В комнате царил полнейший разгром, словно после побоища. Чайник, который так любил Шэнь Юйхэн, был разбит вдребезги, а его осколки разлетелись кто куда.

В глазах Су Чэна мелькнула печаль. Сяо Цзинь не должен был так поступать с Шэнь Юйхэном. По крайней мере, будь Су Чэн на его месте, он бы никогда... Пока он размышлял, робкая Юньдоу сообщила, что Сяо Цзинь ушел довольно давно и, кажется, направился в сторону Лotosового павильона.

— Хорошо.

После долгих раздумий Су Чэн отыскал теневых стражей Сяо Цзиня и попросил выпустить его из дворца, сославшись на то, что хочет навестить родителей. В связи с дворцовым переворотом стражи были крайне заняты; увидев, что это Су Чэн, они без колебаний пропустили его. Сяо Цзинь действительно относился к нему по-особенному: что бы Су Чэн ни пожелал, потакание его просьбам не могло быть ошибкой. Покинув дворец, Су Чэн немедленно велел носильщикам паланкина спешить в поместье семьи Шэнь.

Едва Су Чэн покинул дворец, как тяжелые створки ворот захлопнулись и были заперты на засовы. Больше никому не позволялось ни войти, ни выйти. Огромный императорский город, всю ночь залитый светом огней, походил на раскаленную железную клетку, объятую пламенем.

Перед Лotosовым павильоном выстроилась плотная стена стражников в черных доспехах; гнетущая, давящая атмосфера не оставляла шанса даже мышам проскользнуть внутрь. Из павильона быстрым шагом вышел теневой страж и тихо доложил:

— Ваше Высочество, Шестой Принц привел с собой остальных принцев и требует аудиенции. Они шумят уже почти полчаса.

Сяо Цзинь, чье лицо было похоже на маску, равнодушно бросил:

— Если не уберутся сейчас же — убейте их всех.

— Слушаюсь.

Настроение у него было скверное. Дворцовые слуги в панике обыскивали павильон, переворачивая всё вверх дном под гнетом чудовищного давления. Сяо Цзинь ненавидел это место, насквозь пропитанное аурой Сяо Хуая. В воздухе всё еще висел не выветрившийся до конца запах крови; смешиваясь с ароматом лотосов, он вызывал дурноту.

Этого Лotosового павильона не существовало в его прошлой жизни. А он всегда презирал то, что не поддавалось его контролю. В прошлой жизни Сяо Хуай спрятал свое завещание под персиковым деревом у Зала Духовного Развития, но теперь всё изменилось. Евнух Фан Цин с уверенностью заявил, что предсмертная воля Императора скрыта где-то здесь.

Страж доложил еще о нескольких мелких происшествиях и, собираясь уходить, добавил:

— Талантливый супруг Су соскучился по родителям и попросил выпустить его из дворца, чтобы их навестить.

Сяо Цзинь коротко кивнул, его губы не дрогнули, не выдав ни единой эмоции.

Страж удалился, а Сяо Цзинь непроизвольно нахмурился. Мрак в его глазах сгустился, напоминая мертвый омут, всколыхнувшийся от невидимого течения. В руке он сжимал ту самую золотую шпильку, обгавленную сердечной кровью Сяо Хуая; его пальцы сжимались так сильно, что хрустели суставы.

Он знал Шэнь Юйхэна. Знал, что дай ему хоть десять тысяч жизней, у него бы не хватило духу сотворить подобное. Впервые Сяо Цзинь осознал, что он действительно сын своего отца — иначе как бы он смог понять всю глубину его безумия? Своей смертью Сяо Хуай утянул Шэнь Юйхэна в бесконечный, беспросветный кошмар.

Сяо Цзинь не мог точно описать свои чувства; он знал лишь одно: когда он увидел эту лужу крови, одна только мысль о том, как растерянно и панически метался Шэнь Юйхэн рядом с трупом, заставляла его грудную клетку неистово вздыматься от непередаваемого, пьянящего возбуждения. Если бы только этот кошмар подарил Шэнь Юйхэну он сам... как было бы славно.

Чэн Сяо, тонко уловив странное состояние Сяо Цзиня, поспешно схватил теневого стража за рукав и одними губами прошептал: «Холодный дворец».

Страж слегка опешил, но тут же торопливо добавил:

— Тот, кто находится в Холодном дворце, уже лег спать... Правда, он сильно мерзнет, у него небольшой жар, но ничего серьезного.

Сяо Цзинь по-прежнему молчал, его взгляд застыл, словно темный омут. Молодой страж в смятении отступил. Чэн Сяо, глядя в спину Сяо Цзиню, тихо вздохнул.

Слуги, искавшие завещание, суетились всё сильнее. Казалось, они прощупали каждый дюйм пола и разве что не осушили сам пруд с лотосами, но время шло, а свиток так и не находился. В воздухе натянулась невидимая струна, и никто не знал, смогут ли они пережить момент, когда она лопнет.

Спустя некоторое время шум снаружи поутих. Вновь слышались тяжелые шаги, и теневой

страж торопливо подошел к Сяо Цзиню. На его лице отражался тот же животный страх, искажающий черты под давлением невыносимого напряжения.

— Ваше Высочество, Шестой Принц ушел... но он направился в сторону Холодного дворца. Сказал, что хочет...

Он внезапно осекся. Взгляд Сяо Цзиня, острый как лезвие меча, пронзил его насквозь. Холод в этих глазах, казалось, вымораживал саму жизнь.

— Говори.

Сердце стража дрогнуло, но он невероятным усилием воли подавил ужас и продолжил:

— Они сказали... что убьют супруга Шэня, чтобы отомстить за покойного Императора...

Сяо Цзинь тихо рассмеялся. От его улыбки повеяло таким пронизывающим холодом, что сам воздух, казалось, покрылся инеем. Он поднял свой меч и посмотрел на свое отражение в гладкой стали. Пара алых, поблескивающих под кровавой луной глаз совершенно не походила на человеческие.

— Шестого принца и всех, кто за ним последовал, убить. Никого не оставлять в живых.

— ...Слушаюсь.

Даже эти теневые стражи, давно привыкшие к хладнокровным приказам Сяо Цзиня, невольно содрогнулись. В это мгновение их господин был до жути похож на того самого Императора, что лежал сейчас в луже крови.

...И даже превосходил его.

Садистские наклонности Сяо Цзиня стали неотъемлемой частью его крови; жестокие и бескомпромиссные, они походили на неудержимый, мрачный дар. Если он взойдет на императорский престол, тот террор, который он обрушит на империю... превзойдет безумие Сяо Хуая в десятки раз. Даже Чэн Сяо, дольше всех следовавший за ним, не мог с уверенностью сказать, что именно означает эта странная одержимость Шэнь Юйхэном.

В этот самый миг к ним торопливо подошел евнух Фан Цин, прижимая к груди свернутый золотисто-желтый свиток. Его голос дрожал:

— Ваше Высочество, завещание найдено.

Он развернул свиток, и Сяо Цзинь шагнул вперед, чтобы принять волю отца. Все присутствующие опустились на колени, внимая последним словам усопшего Императора.

«...Мы, Сяо Хуай, по велению Небес правящий государством, осознаем, что всему предначертан свой срок. Ныне летами Мы стары, печалимся о быстротечном времени и знаем, что подошел час покориться судьбе...»

Сяо Цзинь слушал в полном молчании. Спустя мгновение, когда Фан Цин дошел до слов о престолонаследии, сердца всех слушателей замерли.

«...Преемником Мы назначаем Девятого сына Нашего — принца Цзиня. Ему исполнилось восемнадцать лет, ум его проницателен, в делах государственных он усерден, и Мы весьма им довольны. Посему передаем Сяо Цзиню трон Владыки Великой Чжоу, уповая на то, что он

продолжит Наше незавершенное дело, защитит державу и принесет мир народу».

Одни побледнели, на их лицах отразилось полное отчаяние; другие же сохранили невозмутимость, ничуть не удивившись такому исходу. Но по мере того как евнух продолжал чтение, прозвучало имя, повергшее всех в шок.

«...Относительно Юйхэна Мы также оставляем поручение. Юйхэн молод, нрав его мягок и слаб, и сердце Наше не знает за него покоя. Дабы защитить его и даровать ему умиротворение, Мы повелели возвести Лotosовый павильон в тихом уголке дворца, дабы остаток своих дней он провел в безмятежности и тишине... Такова Наша сокровенная забота. Пусть в стенах сих он возвращает покой в своей душе и избежит страданий суетного мира. Сей указ изменению не подлежит».

Взгляд Сяо Цзиня мгновенно стал настолько ледяным и свирепым, что у евнуха Фана дрогнула рука, сжимающая свиток. В эту секунду он почти не верил тому, что услышал. Если это завещание вступит в силу... Шэнь Юйхэн будет навсегда заперт в этом Лotosовом павильоне, и покинуть его сможет лишь после смерти.

Сяо Цзинь сжал руку, и золотая шпилька хрустнула. Изыщная, ослепительно-красивая вещь в одно мгновение переломилась на несколько частей, падая на пол вместе с каплями его собственной крови. В его жилах и жилах Сяо Хуая действительно текла одна и та же кровь. Более того, мертвый Император лучше кого бы то ни было понимал, чего на самом деле жаждал его сын.

Сяо Цзинь хотел абсолютной власти, абсолютной клетки; он хотел сам надеть ошейник на шею Шэнь Юйхэна. Но теперь оказалось, что мертвец его опередил. Под сводами мрачного павильона, пропитанного сладким ароматом лотосов, раздался хруст — это Сяо Цзинь сжимал в кровоточащей руке осколки золота, дробя их вместе с собственными костями.

<http://bllate.org/book/17965/1734746>